

А. А. Мельникова¹**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ**

Анализ процесса взаимодействия культур проявляется его различные модусы. Экономика — одна из постоянных сфер культурного взаимодействия, и в настоящий момент экономическая взаимосвязь государств обретает все усиливающийся акцент — миграционный. Интенсификация процессов миграции фиксировалась уже в XX веке, однако сегодня этот феномен стал фактором, определяющим масштабные изменения современного мира. При этом, с одной стороны, миграция — следствие глобализации, с другой — миграция глобализацию усиливает. Последствия миграции все более определяются как факторы взаимодействия культур, обнаруживаясь в самых разных социально-культурных сферах: экономической, социальной, политической, культурно-психологической. Вместе с тем данные последствия носят как позитивный, так и негативный характер. В силу ограниченного объема тезисов остановимся только на некоторых аспектах негативных последствий.

По данным зарубежных исследований, мигранты чаще испытывают проблемы с психическим здоровьем, чем местное население. Так, евреи из Советского Союза демонстрировали более высокий уровень тревожности, чувств беспомощности, низкий уровень самооценки по сравнению с евреями, рожденными в Израиле [6]. В Великобритании у ирландских мигрантов был обнаружен более высокий уровень суицидального поведения по сравнению с коренными британцами [3]. Согласно исследованиям А. Столлер, Я. Крупински (1973), у мигрантов значительно выше частота возникновения стресса и депрессивных симптомов по сравнению с местным населением.

В связи с тем, что для большинства мигрантов в качестве ведущих выступают экономические мотивы, наряду с психологической и социокультурной адаптацией особое внимание среди исследователей миграционных процессов уделяется изучению особенностей экономической адаптации мигрантов. Под экономической адаптацией традиционно понимается наличие или отсутствие работы, удовлетворенность работой, уровень профессиональных достижений в новой культурной среде [1]. Зарубежные исследователи адаптации мигрантов подчеркивают, что мигранты часто сталкиваются с безработицей, вынуждены трудоустроиваться не в соответствии с тем уровнем профессиональной квалификации, который имели на родине. На-

пример, в исследовании Н. Сван, Л. Ауэр, Д. Ченард, А. де Плайя, А. де Силва, Д. Палмер, Д. Серьяк (1991) было выявлено, что в Австралии мигранты из Турции, Югославии и Восточной Европы обладали более низким уровнем дохода по сравнению с коренным населением. Исследование З. Айкан, Дж. Берри (1996) показало, что турецкие мигранты в Канаде через 6 месяцев после приезда имели почти вдвое меньший доход, чем до иммиграции, спустя несколько лет он превысил их доход на родине, в отличие от профессионального статуса.

Поэтому вполне закономерно, что среди основных проблем мигрантов в процессе адаптации большинство исследователей отмечают трудности в коммуникативной сфере и проблемы, связанные с профессиональной самореализацией. Что касается последней, то с наибольшими сложностями сталкиваются мигранты с высоким уровнем образования, у которых основополагающим для дальнейшего трудоустройства становится вопрос признания их профессиональной компетентности со стороны работодателей. Мигранты с высоким уровнем образования (и соответствующими притязаниями), оказавшись в стране с более высоким уровнем жизни, по-другому оцениваются на рынке труда, в связи с чем у них возникает чувство некоторой второсортности, усиливающееся из-за дискомфортного ощущения себя в другом этносе чужаком [2]. Это подкрепляет тенденцию к консолидации с такими же мигрантами и в то же время ведет к психологической отстраненности от представителей принимающей культуры. В связи с этим возникает повсеместно наблюдаемый феномен: мигранты концентрируются в определенных местах проживания по этническому и территориальному признакам. Изоляция группы, в свою очередь, приводит к сплоченности внутри нее, к росту группового давления. Развивается феномен «группового мышления», включающий размывание ответственности, недооценку последствий, туннельное видение, а также групповую поляризацию, при которой возрастает вероятность принятия рискованных, экстремальных групповых решений [4].

В то же время психологический дискомфорт побуждает найти причину такого положения дел, и наиболее простой формой становится приписывание ответственности за свое низкое социальное положение членам принимающей культуры, которым присваиваются негативные характеристики. В этом случае самоидентичность мигранта вырабатывается через отрицание ценностей и норм, доминирующих в стране, куда он приехал [5]. Эти настроения используются радикальными группами, которые активно рекрутируют мигрантов для совершения диверсий и террористических актов.

Таким образом, миграционные процессы являются напряженной точкой культурного взаимодействия, что диктует необходимость не только теоретического изучения данного вопроса, но и создания практических

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий «Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и ментальности», «Психология кросс-культурной адаптации» (в соавт.), а также публикаций «Политика глобализации и глубинные основания культуры», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

инструментов работы по адаптации мигрантов, при которой указанные деструктивные тенденции минимизируются. Например, одной из техник продуктивной адаптации мигрантов является культурный ассимилятор, обучающий человека видению ситуации с позиции представителя другой культуры. Начало разработок подобного типа было положено в 1960-е годы Г. Триандисом, под руководством которого моделировались предназначенные для американцев ситуации, описывающие взаимодействие представителей двух культур. К описанию прилагались четыре варианта трактовки причин именно такого поведения представителя другой культуры (иранца, араба, тайца, грека и пр.). Выбирая из предложенных альтернатив (составленных исходя из этностереотипов и типичных ролевых ожиданий), человек начинал осознавать как клишированность своих представлений о людях данной культуры, так и их ошибочность. Эффективность использования ассимилятора как средства, передающего информацию о свойствах разных культур, основанных на ценностях поведенческих сценариях, подтверждена в ходе его многолетнего использования.

Соединение разработок подобного вида в общий банк, их адаптация к специфике конкретных культур

(принимающей и той, к которой принадлежат мигранты) и выстраивание адаптированных методик в единую программу по оптимизации межкультурного взаимодействия будут способствовать минимизации описанных негативных последствий миграционных контактов как формы взаимодействия культур.

Литература

1. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию : учеб. пособие / Н. М. Лебедева. — М. : Ключ-С, 1999.
2. *Петухов В. Б.* Феномен терроризма в информационном пространстве культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / В. Б. Петухов. — М., 2009. С. 49–103.
3. *Balarayan R.* Ethnicity and variations in the nation's health / R. Balarayan // *Health Trends*. — 1995. — № 27. — P. 1149.
4. *McCormick G. H.* Terrorist decision making / G. H. McCormick // *Annual Review of Political Science*. — 2003. — Vol. 6, № 1. — P. 473–507.
5. *Nail P. R.* Proposal of a four-dimensional model of social response / P. R. Nail, G. MacDonald, D. A. Levy // *Psychological Bulletin*. — 2000. — Vol. 126. — P. 554–470.
6. *Zilber A.* Psychological distress among recent immigrants from the former Soviet Union to Israel: Correlates of level of distress / A. Zilber, Y. Lerner // *Psychological Medicine*. — 1996. — № 26. — P. 493–501.